

Новый мировой порядок

Маленькая победоносная аннексия Крыма продемонстрировала нам важное изменение мирового порядка. Когда я говорю «изменение мирового порядка», я вовсе не имею в виду некий глобальный переворот, совершающийся раз в тысячу лет. Мировой порядок меняется довольно быстро — как типы айфонов. Последний раз мировой порядок по-крупному менялся в 1991 году, когда рухнул СССР. Этим изменением мир (что немаловажно для будущего сравнения) в значительной степени был обязан президенту США Рональду Рейгану, который выиграл «холодную войну» с СССР, договорившись с Саудовской Аравией и снизив цены на нефть. Рональд Рейган нанес удар в самое стратегически уязвимое место СССР. Он показал, что тоталитарная страна, которая называет себя сверхдержавой, но на самом деле живет за счет экспорта углеводородов, не может выжить, если цена на рынке рухнет.

Тогда же состоялась «Буря в пустыне» (1990—1991). Диктатор Ирака Саддам Хусейн нарушил неписаное международное правило поведения диктаторов: «внутри можешь делать все что угодно, но ты не вправе вести себя непресказуемым образом во внешней политике», и был наказан. Примечательно, что при этом операция не была доведена до конца — в 1991-м американские войска не вошли в Ирак и не добились Хусейна. Предполагалось, что его добьют санкции, что тяжелое экономическое положение страны приведет к недовольству и революции. Этого, как известно, не произошло. Вообще еще ни разу экономические санкции, наложенные на страну-изгоя — будь то Зимбабве, или Судан, не приводили к революции. Они вели к укреплению власти диктатора, который мог отныне списать все экономические трудности страны на происки проклятого Запада.

Тем не менее после падения СССР в мире в течение двадцати с лишним лет существовал (или считалось, что существовал, а в политике общепринятое и является часто реальностью) порядок, при котором предполагалось, что страна, ведущая себя непредсказуемо внешнеполитическим образом, будет за это серьезно наказана. Внутри можно было делать что хочешь: хоть сажать Навального, хоть травить курдов газом. Но попытка изменения между-

ЛАТЫНИНА Юлия Леонидовна — публицист, кандидат философских наук.

Ключевые слова: Крым, Россия, Путин, Саддам Хусейн, Рональд Рейган, мировой порядок, экономические санкции, либерализм, авторитаризм, демократия.

народных границ сурово каралась. Кроме того, европейская и международная бюрократия, чьи идеалы и интересы во многом определяют нынешнюю картину мира, считала, что она живет в мире, в котором восторжествовала демократия. Как объявил в 1991 году Френсис Фукуяма, история закончилась. Она закончилась победой либеральной демократии в тех странах, которые раньше были тоталитарными, и это и есть ее, истории, смысл.

На протяжении двадцати с лишним лет, прошедших после 1991 года, основы этой картины мира неумолимо подтачивались. *Во-первых*, наметилась маленькая проблема с демократией. В ряде бедных стран в результате всеобщих выборов к власти стали приходить популистские и/или коррумпированные правительства. Некоторые из этих правительств устраивали в стране экономическую катастрофу, после чего объявляли ее происками Запада. Многие, особенно в арабских странах, с самого начала строили свою риторику на ненависти к США и объявляли: «они богатые, зато мы — духовные». Конечно, многие такие правительства возникали и раньше — в конце концов Роберт Мугабе правит Зимбабве уже 34 года; но раньше их возникновение можно было списать на соперничество двух систем. Приход к власти демократически избранного Николаса Мадуро в Венесуэле или демократически избранной Йинглик Чинават в Таиланде на это списать уже было нельзя.

Оказалось, что, вопреки предсказанию Френсиса Фукуямы, демократия вовсе не всегда ведет к свободе. Очень часто она ведет к возникновению квазифашистских режимов, которые отличаются от своих тоталитарных предшественников XX века одним очень важным моментом. Несмотря на всю их риторику, они на самом деле не стремятся завоевать свободный мир. Они являются не его конкурентами, а его сырьевыми придатками. Они экспортируют нефть (газ, колтан, древесину) и импортируют все остальное. Вся их риторика в основном предназначена для внутреннего употребления. Всякая оппозиция в такой стране объявляется «агентами фашистского Запада», а все экономические сложности списываются на козни того же Запада. Такие режимы не только не заинтересованы в быстром экономическом развитии страны — ровно наоборот: они заинтересованы в «вымывании» из нее мозгов и предпринимателей, которые могут служить конкурентами власти. В результате эти режимы оказываются довольно устойчивы. В принципе, любой западный политик мог бы хорошо быть осведомлен об этой маленькой проблеме демократии — о приходе к власти популистов и тиранов, если бы внимательно читал Диодора Сицилийского или Плутарха; но со времени победы демократии западные политики Плутарха читать перестали.

Во-вторых, идеология, гласящая, что цивилизованные люди ничего не решают силой, оказалась удивительно беззащитна перед насилием со стороны нецивилизованных людей — в частности перед исламскими террористами и исламизмом вообще. Триумфы исламизма стали следствием не его силы, а следствием слабости Запада. Достаточно напомнить, что еще во время Второй мировой войны те страны, где сейчас толпа безнаказанно штурмует американские посольства или убивает американских послов, были ареной соперничества немецких и британских танковых армий, и ни о каких исламистах ни Роммель, ни его противники не слышали. Достаточно также напомнить, что США еще до 11 сентября трижды имели возможность уничтожить бен Ладена с помощью беспилотника, но президент Клинтон не отдавал приказ, опасаясь, что дома его заедят за убийство мирных гражд-

дан без суда и следствия. В. Путин, планируя аннексию Крыма, бесспорно, учитывал это нежелание демократий воевать, как его, впрочем, учитывал перед аншлюсом Австрии и Адольф Гитлер.

В-третьих, после краха СССР и исчезновения врага, против которого нужно быть начеку, проблемы, связанные со всеобщим избирательным правом, коснулись также и богатых стран. «Всякая развитая демократия кончается социализмом», — писал Джон Стюарт Милль. Так оно и случилось. В то время как западные политики стремительно увеличивали количество избирателей, получающих халяву, и наращивали объем бюрократического вмешательства в экономику, их начали стремительно догонять те азиатские страны — прежде всего Китай, правящая верхушка которых создавала рыночную экономику в рамках политической системы, более или менее похожей на систему просвещенного абсолютизма.

После краха СССР и исчезновения врага, против которого нужно быть начеку, проблемы, связанные со всеобщим избирательным правом, коснулись также и богатых стран. «Всякая развитая демократия кончается социализмом», — писал Джон Стюарт Милль. Так оно и случилось.

В результате экономические санкции против стран-изгоев перестали быть действенными. Какой смысл запрещать выезд на Запад Роберту Мугабе, если он все равно лечится (и, видимо, держит счета) в Сингапуре? Какой смысл налагать санкции на Иран, если он все равно экспортирует нефть в Китай?

При существующих условиях любые экономические санкции, в том числе и против России, просто приведут к дальнейшему финансовому, экономическому и политическому усилению Китая, который во всех конфликтах нашего времени — Запада и исламистов, Запада и стран-изгоев — занимает мудрое положение обезьяны, сидящей на дереве, пока два соперника дерутся за банан, и ожидающей, пока банан сам собой достанется ей.

Еще в 2008 году на саммите в Бухаресте В. Путин назвал Украину «несостоявшимся государством». Двоевластие, сложившееся на Украине после свержения Януковича, и необыкновенное бессилие официальной власти дали ему возможность бескровно совершить аншлюс Крыма. Аншлюс этот, выполненный безусловно с военной точки зрения и, безусловно, получивший одобрение большей части крымчан (как и аншлюс Австрии Гитлером), сопровождался пропагандистской риторикой, напоминающей как речи самого Гитлера, так и речи современных руководителей стран-изгоев, которые внушают своим подданным, что они со всех сторон окружены врагами. В частности, в речи 18 марта 2014 года в Совете Федерации В. Путин говорил о «разделенном русском народе», воссоединении нации, о врагах внешних

и внутренних, которыми окружена Россия. Относительно внутренних врагов Путиным был использован дословно заимствованный из «Mein Kampf» термин «национал-предатели» (Nationalverräter). В этом смысле довольно забавно видеть, как Кремль обвиняет в фашизме украинские власти. Ни один украинский политик высокого ранга — ни премьер Яценюк, ни Владимир Кличко, ни даже лидер националистов Олег Тягнибок — не может себе позволить публично рассуждать в таких терминах.

На сегодняшний день Путин весьма ясно дает понять, что его интересует не только Крым, но и Юго-Восток Украины, где, по сообщениям МИД, простые люди просят Россию защитить их от зверств бандеровцев — точно так же, как судетские немцы, по утверждениям Гитлера, просили защитить их от зверств чехов. Кремль постоянно повторяет, что без него у Европы ничего с Украиной не получится сделать, что в переводе означает: «Отдайте нам Юго-Восток сами, если не хотите, чтобы мы его взяли силой». С другой стороны, постепенная эскалация санкций против России точно так же призвана дать Путину понять, что если он будет продолжать «защищать украинский народ от фашистов с Евромайдана и их западных хозяев», то ответы будут все более жесткими.

Согласно теории конфликтов, правильно конфликт развивается тогда, когда у вас всегда есть в запасе следующий шаг, когда вы позволяете противнику отойти назад и когда у вас есть exit strategy. В этом смысле санкции США выстроены совершенно правильно. Они были смехотворно мягкими вначале и были ужесточены и коснулись личных друзей Путина, после того как Кремль де-факто продолжил предъявлять претензии на юго-восток Украины. Очевидно, что Россия не может ответить на эти санкции «симметричным» способом, поскольку у президента Барака Обамы нет друзей-миллиардеров, которые стали миллиардерами благодаря дружбе с президентом и хранят эти миллиарды в российских банках.

У США есть еще несколько серьезных козырей в запасе. Во-первых, это ужесточение санкций, направленных против ближнего круга друзей Путина, и уголовное их преследование. Во-вторых, это личная дискредитация Путина. США обладают технической возможностью слушать телефоны по всему миру, и они могут устроить Путину персональный wikileaks, который сильно скажется на его репутации, в том числе и в России.

Наконец третье и самое главное — они могут радикально обрушить цену на нефть и газ, как это сделал Рейган в 1991 году. Для этого надо начать разрабатывать сланцевый газ в Польше и на Украине (к 2020-му это может полностью вытеснить Россию с европейского рынка газа), разрешить экспорт сланцевой нефти из США. Еще один вариант — снять эмбарго с Ирана, который в таком случае просто займет место России на европейском нефтяном рынке с катастрофическими для российской экономики последствиями.

Тем не менее сейчас не конец 1980-х, и многие из этих мер или нереализуемы в полную силу, или возымеют серьезный обратный эффект для экономики США и находящейся в кризисе Европы. В частности, в отличие от конца 1980-х, бюджет Саудовской Аравии перестает сходиться при цене ниже 85 долларов за баррель. Очевидно, что Саудовская Аравия вряд ли (даже при компенсирующем увеличении объема добычи) будет готова к радикальному снижению цен. Кроме того, в отличие от времен СССР, российская экономика слишком переплетена с европейской на частном уровне. К примеру,

в Лондоне проживает 200 тысяч русских, в основном по инвестиционным визам. Инвестиционная виза означает от 1 до 10 миллионов фунтов стерлингов, вложенных в экономику Великобритании. Предположим, что только у четверти этих людей есть инвестиционная виза (остальные — члены семьи). Это, по самым скромным подсчетам, около 100 миллиардов фунтов стерлингов. Понятно, что эти деньги не так просто арестовать, как весьма немногочисленные счета иранских компаний после тотальных санкций, наложенных на Иран.

И кроме того, значительная часть крупного российского бизнеса уже перевела счета в Гонконг и Сингапур. Санкции со стороны ЕС только усилят процесс смещения центра финансовых рынков к востоку, а эмбарго на российские нефть и газ попросту превратят Россию в сырьевой придаток Китая. Понятно, что Россия от этого потеряет очень много; но проблема в том, что и Европа не выигрывает. Выигрывает Китай.

Наконец, достаточно очевидно, что никакие экономические санкции не приведут к смене режима. Ровно наоборот — они позволят Владимиру Путину точно так же, как правителям Судана, Венесуэлы или Зимбабве, объяснять происходящую в стране экономическую катастрофу «происками западных империалистов, которые хотят поставить Россию на колени». Собственно, именно последнее обстоятельство является наиболее важным последствием для России.

Само по себе присоединение Крыма является вполне логичным шагом в условиях постреволюционной неразберихи в соседней стране. Но идеология, его сопровождавшая, — смехотворные попытки выдать регулярные части российской армии за мифические «силы самообороны», спасающие Крым от не менее мифического геноцида, угрожающего ему со стороны «спонсируемых Западом украинских фашистов», — напоминает классические образцы гитлеровской риторики о «жесточайших преследованиях», которым подвергаются судетские «братья по расе», и знаменует переход от знаменитой путинской стабильности к превращению в страну-изгоя. Трудно сказать, означает ли такая идеология войну, но она точно означает пожизненную власть вождя. Так или иначе, времена 1991 года прошли. В отличие от «Бури в пустыне», Запад ни при каких обстоятельствах не вступит в вооруженный конфликт со страной, которая, как Ирак при Саддаме Хусейне, решила пересмотреть международные границы. Кроме того, в отличие от времени президентства Рейгана, Запад не может выиграть экономическую войну против страны-изгоя. Если он ее начнет, то эту войну выигрывает Китай. ◆